

Завидев Су Минью, Гу Сяодун тут же увязался за ним, ластясь и не отходя ни на шаг. Слуги с обеих сторон только и мечтали развести молодых господ в разные стороны, но шедший во главе Су Минья то и дело обращался к попутчику, так что челяди оставалось лишь безмолвно поспевать следом, не смея переступать границы дозволенного.

Свернув бывшую в руках книгу в трубочку наподобие рупора, Гу Сяодун шагал налегке, едва сдерживая порыв пуститься вприпрыжку от переполнявшего его восторга. Он без умолку тараторил, делясь со спутником всеми мыслями подряд.

Су Минья изредка кивал в ответ. На своем веку он навидался писанных красавцев, но человека с подобным нравом встретил впервые. Снисходительно, с нескрываемым любопытством он внимал этой болтовне, пока сам не заметил, как они дошли до его покоев.

Очутившись перед отдельным изящным двориком, Гу Сяодун восхищенно ахнул:

— Молодой господин Су, ну и роскошная у вас обитель! По сравнению с ней наши лачуги — сущие дровяники, а у вас тут настоящие императорские покои!

Су Минья удивленно воззрился на него. Он вглядывался в юношу несколько мгновений, пытаясь уловить хоть каплю затаенной издевки, но встретил лишь чистый, простодушный восторг и живое любопытство.

Высказав всё на одном дыхании, Гу Сяодун спохватился, выпрямился и неловко улыбнулся:

— Я ведь совсем не знаю, как живут в великих домах. Вы уж не обессудьте, молодой господин Су, что я так бурно на всё реагирую.

Для Су Миньи эта неловкость обернулась особым, земным очарованием. Простота гостя не знала фальши, и именно эта безыскусность делала его на редкость милым.

— Не желаешь ли зайти на чашку чая? — с улыбкой спросил он.

Гу Сяодун, отбросив всякое стеснение, радостно закивал:

— С удовольствием! Зайду, конечно!

Су Минья лишь прикрыл рот рукавом, сдерживая улыбку.

Стоило ли упрекать Гу Сяодуна за столь непосредственный восторг? Обитель Су Миньи и впрямь оказалась верхом изящества. Усадьба тихо спала в объятиях бамбуковой рощи. Шла середина второго месяца, стебли бамбука наливались нежной, весенней зеленью, а у самой ограды клонились тонкие персиковые деревца. В третьем месяце, когда распустятся бутоны,

здесь непременно оживут строки древних стихов о первых цветах персика за изумрудной бамбуковой стеной.

Су Минья неспешно зашагал по двору. Аккуратная трава устилала землю, меж серых кирпичей пробивались первые цветы, а мшистые ступени вели к дому. Пробегавший ручеек мерно приводил в движение бамбуковый желоб, легкий ветерок ласкал приоткрытые створки дверей. Сгорая от любопытства, Гу Сяодун вошел следом за ним в залу и обомлел. Повсюду высились причудливые диковины и старинная утварь — редкие вещицы были подобраны с таким тонким вкусом, что визит молодого господина в академию походил не на суровое затворничество ради наук, а на изысканный отдых.

Юноша то и дело восхищенно вздыхал, впервые воочию соприкоснувшись с истинным благородством убранства. Поместье Гу, где ему довелось побывать лишь в покоях Ань Жои и Гу Цзиньюя, подавляло своими масштабами и тяжеловесным величием, но в нем не было и капли утонченности. Те комнаты словно сухим языком заявляли, что в них обитают, но отнюдь не живут.

Су Минья жестом пригласил гостя за стол. Сам молодой господин прибыл в академию налегке, но заботливые слуги уже обустроили его быт до мельчайших мелочей. Впрочем, удивляться не приходилось: Су Минья занимал исключительное положение, и то, с каким размахом кланы Гу и Су объединили усилия ради его удобства, считалось делом вполне естественным.

Впервые покинув пределы родового гнезда, Су Минья пребывал в необычайно приподнятом расположении духа, точно слегка захмелев от доброго вина. Он сидел прямо, с легкой полуулыбкой наблюдая за устроившимся напротив Гу Сяодуном. В его душе не было ни капли досады от шумного соседства; напротив, он с искренним удовольствием внимал этой безостановочной болтовне, словно греясь в лучах чужого беззаботного счастья.

Гу Сяодун чутко уловил эту безмолвную благожелательность, отчего и сам приободрился. В его глазах Су Минья в одно мгновение превратился в его самого первого товарища по учебе.

Покуда гость без умолку трещал, слуги поднесли теплую воду для омовения рук. Гу Сяодун бережно принял изящную чашу, собираясь полюбоваться тонкой росписью на фарфоре, но тут сидевший напротив Су Минья слегка приподнял широкий рукав. Из-под шелка показалось белоснежное запястье, украшенное двумя старинными оберегами: нитью темно-красных буддийских четок и подвеской с монетой-амулетом Горного духа. Тонкие пальцы и изящные кисти Су Миньи показались Гу Сяодуну столь совершенными, что он уставился на них во все глаза, позабыв обо всем на свете, словно заправский повеса.

Почувствовав на себе этот горячий, простодушный взгляд, Су Минья ничуть не рассердился. Напротив, он открыто подвернул рукав еще выше, обнажая предплечье:

— Тебя заинтересовали эти безделушки?

— Мне куда интереснее то, как чудесно они смотрятся на твоём запястье, — чистосердечно

признался Гу Сяодун. — Невероятно красиво! Обереги так выгодно подчеркивают изящество кисти... Твои руки словно сошли с картины искусного мастера.

Су Минья впервые слышал, чтобы кто-то хвалил очертания сухожилий на запястьях. Не удержавшись от тихого смеха, он протянул руку ближе к гостю, позволяя налюбоваться всласть:

— И все же эти браслеты носят совсем не ради красоты.

— Знаю, — отозвался Гу Сяодун. Его душа парила где-то в вышине. По природе своей он обожал тактильное тепло, а поскольку уже очень давно никто не обнимал его и не держал за руку, он, позабыв о приличиях, шустро подался вперед и мягко, но крепко сжал ладонь Су Минья своими ладонями. — Четки — для защиты и благословения, а монета-амулет — для изгнания скверны. Твоя семья сдувает с тебя пылинки.

Су Минья замер, его ладонь так и осталась лежать в чужих теплых руках. Запястья соприкоснулись, и сквозь тонкую кожу отчетливо забился их общий, частый пульс.

— Раньше, когда мой отец промышлял бродячей торговлей, у нас тоже водились подобные обереги. Мы кочевали от города к городу, и если дорога приводила к почитаемым горам или крупным монастырям, батюшка непременно просил святых отцов окропить товар благодатью. Стоило провести обряд как полагается, и эти скромные безделушки превращались в бесценные залого душевного покоя. Заботливые родители выстраивались в очередь, чтобы выкупить их для своих чад.

Заметив, какими холодными были пальцы собеседника, Гу Сяодун стал осторожно растирать их, делясь своим теплом.

— Батюшка и для меня собирался выпросить защиту, да только один почтенный старец отговорил его: мол, дитя сие и без того наделено ясным разумом да великой благодатью, обереги ему ни к чему. Мне же, глупому, просто приглянулись красивые браслеты. Я закатывал истерики, визжал и катался по земле, пока отец в сердцах не повязал мне на запястье простую красную нить с бобами, пожелав, чтобы в будущем у меня от невест отбоя не было. Тоже мне, выдумал! Мал я еще был о любовных утехах помышлять. Шалопай, а не отец, честное слово!

Су Минья, переборов секундную неловкость от прикосновений, тепло посмотрел на него:

— И где же она теперь? Ты до сих пор ее носишь?

— Да где там! Поносил дня три-четыре и забросил, — рассмеялся Гу Сяодун. — Вещица хоть и милая, да только стягивала руку немилосердно, а я ценю свободу. Думаю, и тебе, молодой господин Су, с этими браслетами приходится несладко — небось, мешают и за едой, и во сне? Но раз уж недели, домашние ни за что не позволят снять. Вот и приходится терпеть неудобства

на этой изящной ручке ради душевного покоя всей семьи.

Су Минья задумчиво посмотрел на него. Ладонь, которую он поначалу порывался отнять, так и осталась лежать в теплых руках гостя. Вместо этого он свободной рукой слегка распахнул ворот белоснежного халата и выудил из-под одежды тонкий шелковый шнурок, на котором покоился еще один затейливый оберег. С видом шутливой обреченности, под которой скрывалась тихая гордость, он показал его Сяодуну:

— Они и здесь меня окольцевали.

Гу Сяодун придвинулся ближе, заглядывая ему за ворот, и согласно закивал:

— До чего же красиво! Твои близкие тебя просто боготворят.

— Излишняя забота порой становится бременем, — с улыбкой вздохнул Су Минья. — Я ведь впервые покинул родные стены. Не настаивай моя вторая сестра столь рьяно на этой поездке, родители опекали бы меня до седых волос. Да что там родители — даже сама сестра сегодня утром, когда я переступал порог дома, залилась такими горькими слезами... Я лишь диву давался: к чему эти излияния? Поместье Гу вовсе не за тридевять земель находится. Мой зять сам наполовину из рода Гу, а на карете туда добираться — всего-то времени, что три-четыре чашки чая испить. К чему разыгрывать драму о вечной разлуке на ровном месте?

— Всем бы такие заботы! — воскликнул Гу Сяодун, невольно поддавшись его настроению. Он сощурил глаза и мягко улыбнулся, чувствуя одновременно и светлую зависть, и искреннюю радость за нового знакомого. — У тебя прекрасные родные.

Су Минья тихонько прикрыл веки, тень улыбки всё еще блуждала в уголках его глаз, но он предпочел умолкнуть.

Семья оберегала его изо всех сил, но именно эта удушающая забота сделала его белой вороной среди столичной знати Чанло. За все свои годы он, если не считать родню, так и не обзавелся близкими друзьями своего возраста.

Но ведь нельзя вечно сидеть взаперти за высокими стенами отчего дома.

Сегодня он сделал лишь робкий шаг во внешний мир и еще только раздумывал, как подступиться к сверстникам, как этот простодушный юноша из семьи Гу сам бросился к нему навстречу.

Су Минья дорожил этим порывом, хотя и не спешил терять бдительность.

Су Минья решил перевести внимание на собеседника:

— Кстати, ты обмолвился, что теперь откликаешься на имя Шаньцин. Почему тебя так нарекли?

В глазах Гу Сяодуна всё еще теплился смех, но он забавно сморщил нос:

— Ну... они посчитали мое прежнее имя чересчур простым. Решили подыскать что-то более благозвучное, под стать фамилии Гу. Имя Шаньцин мне и самому по душе, да только... нарек меня так четвертый молодой господин, а вовсе не князь с княгиней.

Имя человека — его судьба. Если уж и менять его на благородное, приличествующее свету, то наречь дитя должны были отец с матерью. Но право дать ему имя мать с легкостью перепоручила другому сыну. Стоило взглянуть в эти тонкости семейных отношений, как наружу проступало равнодушие, способное ранить до глубины души.

Впрочем, Гу Сяодун упрямо убеждал себя, что Ань Жои лишь желала сблизить его с Гу Цзиньюем, связать их более крепкими узами, а вовсе не отмахнулась от родного дитя из нежелания тратить на него силы.

Услышав это, Су Минья понимающе сощурился:

— Надо же, сам Цзиньюй дал тебе имя. Должно быть, вы очень дружны.

— Он и впрямь заботится обо мне, — улыбнулся Гу Сяодун. — Да только я человек маленький, мало чем могу ему отплатить. Мы уже давно не виделись, даже не знаю, как у него дела и удастся ли ему выпататься.

— Разве ты не знаешь, куда он направился? — Су Минья удивленно взглянул на юношу. — В начале второго месяца наследный княжич Гу покинул Чанло, чтобы занять воинскую должность в отдаленной области. Цзиньюй последовал за ним. Поговаривают, они проведут на границе несколько месяцев, прежде чем вернуться в столицу.

Улыбка мгновенно сошла с лица Гу Сяодуна. От изумления его глаза округлились, а рот приоткрылся:

— Что?! Быть не может!

Он и впрямь ничего не ведал. Сгорая от беспокойства, Гу Сяодун крепче сжал прохладные ладони Су Миньи, умоляя его поведать всё, что ему известно о братьях.

Гу Пинхань и Гу Цзиньюй покинули столицу добрых десять дней назад, а он, как последний глупец, узнает об этом только сейчас.

Су Минья терпеливо разъяснил ему суть дела. Наследный княжич Гу Пинхань поначалу метил на высокую столичную должность благодаря блестящим успехам на осенних испытаниях. Однако на итоговом отборе он по какой-то причине с треском провалился, и назначение ему выдали скромное, в соответствии с итоговым списком — служить в захолустном гарнизоне. А вот отъезд Гу Цзиньюя стал для всех полной неожиданностью. Никто в столице так и не понял, последовал ли он воле князя Чжэньбэя или же руководствовался личными побуждениями.

Гу Сяодун задумчиво уставился в потолок:

— Наверняка это приказ князя. Разве у Цзиньюя сейчас есть хоть какая-то свобода выбора?

— Кто знает, — пожал плечами Су Минья. — Он хоть и юн, однако пользуется немалым расположением у императорских отпрысков.

В Гу Сяодуне с новой силой вспыхнуло любопытство. Он пододвинулся ближе, заглядывая собеседнику в лицо:

— Молодой господин Су, я слышал, что твоя старшая сестра — благородная супруга во дворце. Раз твоя семья так дорожит тобой, они наверняка и к ней относятся с великим трепетом? Стало быть, тебе открыты двери во дворец. Расскажи, ты видел, как держится там Цзиньюй?

Сяодун расспрашивал об этом без всякого тайного умысла — его и впрямь разбирало любопытство, каково приходится Гу Цзиньюю на посту дворцового компаньона по учебе. Сам Цзиньюй о своей службе распространяться не любил, отделяясь общими фразами. Как-то раз Сяодун в шутку обронил, что тот гнет во дворце спину словно ломовая лошадь, и Цзиньюй даже спорить не стал. Выходит, жизнь при дворе была далека от тех радужных картин, что рисовали себе досужие обыватели.

Гу Сяодун искренне тревожился за названного брата. Каково это — метаться между двух огней? Во дворце приходится ступать точно по тонкому льду, а дома на тебя косятся из-за неродного происхождения. Помнится, в прошлом году Гу Пинхань отходил его так, что живого места не осталось. Выживать в таких тисках — врагу не пожелаешь.

Хотя расспросы гостя граничили с бестактностью, Су Минья остался столь же благожелателен:

— Мне и впрямь доводится часто бывать во дворце, да и с тремя августейшими особами моих лет я волею судеб знаком. За последние полгода я виделся с Цзиньюем в чертогах куда чаще, чем за их пределами. На своей службе он безупречен, к нему невозможно придраться. Не зря ведь наследная принцесса в свое время предпочла именно его среди тысячи соискателей. Отношение к нему во дворце куда более благосклонное, чем к прочим компаньонам по учебе, — их связь крепка и необычна для простых подданных.

Из этого неторопливого, вкрадчивого рассказа Гу Сяодун уяснил лишь одно: во дворце этот сучок вынужден ходить на цыпочках. Чем выше взлетает человек в глазах господ, тем труднее

ему удержаться на ногах. Но помимо этого, Сяодун уловил в голосе Су Миньи едва заметную, зыбкую интонацию.

Юноша не привык таить мысли в себе, а потому, едва Су Минья умолк, спросил напрямую:

— Молодой господин Су, неужели ты ему завидуешь?

Су Минья переменился в лице. Поймав себя на том, что его сокровенные мысли так легко разгадали, он на мгновение лишился дара речи.

Но Гу Сяодун спросил об этом вовсе не ради праздного укола:

— Мне кажется, если бы вы с Цзиньюем поменялись местами, то он, со своей болезненностью, вряд ли обрел бы ту чистую, возвышенную статью, что есть у тебя. А ты, будь ты наделен завидным здоровьем, едва ли стал бы губить себя ради тех призрачных высот, которых он добивается каторжным трудом. Каждый из вас по-своему неповторим, и ни один не сможет заменить другого.

Су Минья изумленно воззрился на юношу, не проронив ни звука.

Под этим пристальным, изучающим взглядом кончики ушей Гу Сяодуна мгновенно вспыхнули пунцовым цветом. Он неловко рассмеялся:

— Ну... в общем, я просто к тому, что в мире тысячи дорог и у каждого своя прелесть. Ты, молодой господин Су, прекрасен сам по себе, так что тебе впору самому себе завидовать, а не заглядываться на чужие пути. Как говорится в народе, станешь со всеми тягаться — только душу изведешь. Зачем же попусту изводить себя?

Лишь спустя мгновение Су Минья опомнился. Слегка откашлявшись, он тихо, но искренне рассмеялся.

Наконец Гу Сяодун выпустил его ладонь и, подперев подбородок рукой, с сияющей улыбкой принялся разглядывать нового друга. Он прекрасно понимал, почему тот смеется, и от охватившего его ликования принялся беззаботно болтать ногами под столом.

Однако, вопреки ожиданиям, Су Минья закашлялся вовсе не от смущения. На молодого господина стремительно накатывал удушливый приступ застарелой астмы.

Заметив перемену в лице собеседника, Гу Сяодун мгновенно почуял неладное. В ту же секунду к Су Минье слева подскочил верный слуга, а сам Сяодун вихрем метнулся по правую руку от него. Пока челядинец привычным, заученным движением вкладывал больному в рот целебное снадобье, Сяодун без всякого стеснения принялся суетливо гладить его по спине, нащупывая нужные точки для облегчения дыхания, и принялся усердно разминать их пальцами.

Су Минья с трудом проглотил нестерпимо горькую пилюлю, но стоило его горлу дернуться, как от неожиданного прикосновения к спине он едва не поперхнулся. Никогда в жизни ни один посторонний человек не осмеливался вести себя столь бесцеремонно и прикасаться к нему так близко. От возмущения разум его на мгновение оцепенел, однако истерзанное приступом тело под умелыми пальцами юноши стало послушно расслабляться.

Насупившись, Су Минья повернул голову к дерзкому гостю, но и Гу Сяодун в этот миг смотрел на него в упор.

Су Минья в упор разглядывал сияющие, чистые глаза юноши, а в его мыслях набатом стучало:

«Это ведь... чистой воды домогательство!»

Гу Сяодун безотрывно созерцал прекрасное бледное лицо, ловя каждый прерывистый вздох и едва заметную дрожь — от трепещущих ресниц до судорожно сжавшегося горла. Внутри у него воцарилась звенящая тишина, уступившая место одной-единственной мысли:

«Болезненный красавец... До чего же он жалок и одновременно прекрасен в этой своей слабости! За всю свою жизнь я не видел картины пленительнее этой».

<http://bllate.org/book/20609/2146400>